

ковским. Это сообщение Цвибак называет «довольно ехидной заметкой» и вспоминает: «Вырезку эту я показал Бунину, вызвав у него нечто вроде легкого апоплексического удара: — С какой стати? Ни за что!».³⁴

Финансовая тема, явно чрезвычайно щекотливая для «авторов», проявляется по-разному, как представляется, во многом в зависимости от удаленности рассказа от происходящих событий. Здесь можно отметить, что в связи с этой темой фигура адресата, наконец, обретает свое значение: едва ли В. Н. Бунина была бы столь же откровенна с кем-либо другим, кроме Зурова. Еще на пути в Стокгольм она без всякой явной связи со своим предыдущим и последующим повествованием пишет ему: «Мережковские очень работали против Яна, распространяли, что мы не нуждаемся, а они умирают от голода. Шансов у них было гораздо меньше, чем у Яна». ³⁵ Видимо, эта тема каким-то образом не раз обсуждается со знакомыми во время их пребывания в Стокгольме, потому что еще в одном письме она, по сути, слово в слово повторяет свою фразу: «Мережковские очень работали против Яна». ³⁶

Получив деньги, Бунин пожертвовал 100 тысяч франков на улучшение жизни русских писателей-эмигрантов. По свидетельству Цвибака, «распределением денег ведал специальный комитет, в котором Бунин не принимал участия». ³⁷ Однако, как утверждал мемуарист, «братья-писатели» этим распределением были обижены.

Сам Бунин рассказал П. М. Пильскому, что ему «пришлось раздать около 120 000 франков. Да я вообще с деньгами не умею обращаться. Теперь это особенно трудно. Знаете ли вы, сколько писем я получил с просьбами о воспомоществовании? За самый короткий срок пришло до 2000 таких писем». ³⁸

Непомерно большое число просителей выявилось сразу же, Бунины не успели еще доехать до Парижа. ³⁹ Уже через два дня после вручения премии В. Н. Бунина пишет: «Из Парижа неприятности — требования денег, действительно, не успели надеть новых башмаков, как за горло — давай и мне...» ⁴⁰ Именно по этой причине Бунины не торопились в Париж. Из Швеции они поехали в Германию, в гости к Ф. А. Степуну, однако денежный вопрос отравляет им отдых и там. В. Н. Бунина, судя по всему, высказывает свои сомнения парижским друзьям, и те советуют воздержаться от скорого возвращения. Насколько актуальны постоянные раздумья Буниных о деньгах, можно судить по неоднократному, хотя и не прямому упоминанию этой темы в письмах Буниной к Зурову из Германии.

20 декабря она просит Зурова, рассчитывая на полное его понимание, разведать обстановку в Париже: «Нам многие очень не советуют ехать сейчас в Париж.

³⁴ Там же.

³⁵ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 6 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS. 1067/7937).

³⁶ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову в ночь с 12 на 13 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7940).

³⁷ *Седых А.* Далекие, близкие. С. 192. Здесь же мемуарист приводит остроту, которую «пустила по городу» Н. А. Тэффи: «Нам не хватает теперь еще одной эмигрантской организации: „Объединения людей, обиженных И. А. Буниным“».

³⁸ Цит. по: *Бабореко А. К.* И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1967. С. 218.

³⁹ Но и позже ситуация не изменилась, и 10 февраля 1934 года Г. В. Адамович пишет Бунину: «Не удивляйтесь и не осуждайте меня слишком строго. Я хорошо знаю, что посылать это письмо не следовало бы. (...) Ну, вот: мне крайне срочно, для того, чтобы выпутаться из очень скверного положения, нужно две тысячи франков. (...) Верну точно 31 марта: поверьте, что я Вас не „подведу“» (Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926—1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин. Новые материалы. М., 2004. Вып. 1. С. 28). Однако и через полгода долг не был возвращен — в письме от 12 сентября 1934 года Адамович извиняется: «Простите, пожалуйста, что я так неаккуратен с возвращением моего долга» (Там же. С. 29).

⁴⁰ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову в ночь с 12 на 13 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS. 1067/7940).